

Рия Райд

ЛИДЕЛИУМ

— КРОВЬ ДЕСЯТИ —

LIKE
BOOK

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р18

Художественное оформление *Р. Фахрутдинова*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© Reservoir Dots / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Иллюстрация на обложке — *RubyDi*

Иллюстрации на наклейках — *Weisska*

Иллюстрации на форзацах — *Levanda Art*

Райд, Рия.
Р18 Лиделиум. Кровь Десяти / Рия Райд. — Москва : Эксмо,
2026. — 480 с.

ISBN 978-5-04-221984-9

Галактический Конгресс разрушен. Теперь, когда Лиделиум разделен на два противоборствующих лагеря, а тайная организация «Новый свет» наступает, старым врагам приходится объединиться.

Пытаясь спасти свою семью, Корнелия Нозерфилд вынуждена заключить с Питером Адлербегом невыгодную сделку. Она получает таинственные письма, пророчащие беды и катастрофы, которые сбываются с поразительной точностью, и правильно расшифровать их — единственный шанс выиграть время, которого почти не осталось.

Правда, у того, кто шлет их, — на все уже давно свои планы.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-221984-9

© Райд Р., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

*Посвящается каждому,
кто боится, что в трудный час
за ним никто не придет*

ПЛЕЙЛИСТ

Пролог

Heart of Darkness – Secession Studios, Greg Dombrowski

Часть первая

Глава 1

Furioso in F Minor – Nicholas Britell

Глава 2

Gone With The Tide – Elliott Tordo Erhu

Глава 3

**Glass: Violin Concerto, 2nd mtv. (Arr. Gelgotas) –
Mari Samuelsen**

Глава 7

I'm not a Hero – Hans Zimmer, James Newton Howard

Глава 10

Sanctum – Doug Kaufman

Часть вторая

Глава 15

Pop Talk – Natalie Holt

Глава 19

The Last Funeral – Eternal Eclipse

Глава 21

V For Vendetta. Evey Reborn. Main Theme –Geek Music

Глава 22

Furies – Ryan Taubert

Глава 26

Andante Agitato End Credit – Nicholas Britell

Эпилог

Reach – Eternal Eclipse

ПРОЛОГ

Рианская империя. ЛАНДЕР, Третья планета
Анакреонской звездной системы, резиденция

Понтешен 4708 год по ЕГС*
(6933 год по земному летоисчислению)

ЗА 158 ЛЕТ ДО ТРАГЕДИИ НА МЕЛЬНИСЕ

Из-за отсутствия облаков пурпурно-розовая пелена, постоянно разрастающаяся и покрывающая небо над резиденцией, как флисовое одеяло, казалась бесконечной.

Анна всегда была равнодушна к закатам, но их любил Константин. Сейчас она уже и не помнила, сколько раз встречала их вместе с ним в Данлийской резиденции, так же как и рассветы. Красные лучи плясали в его золотистых волосах, играли бликами в радужке карих глаз и осторожно, словно спрашивая разрешение, гладили кожу. Сердце в груди замирало каждый раз, когда она смотрела на него в огненном свете Данлии — не потому, что была безоглядно влюблена, как все полагали, а потому, что истинная красота не может не трогать. Анна всегда умела различать ее очень хорошо — в вечернем свете, шуме волн и дождя, утреннем тумане, тишине и блеске падающего снега и, разумеется, в людях. А Константин действительно был красив. Диск горячей, алой Данлии освещал его со спины, из-за чего он казался и вовсе неземным существом, божеством, смущенно улыбаясь, протягивая к ней руку и повторяя:

— Kai del', danchi. Fen jevi, kai del'¹.

¹Иди ко мне, любовь моя. Прошу тебя, иди ко мне (*перев. с древнеарианского*).

Казалось, это было еще вчера и одновременно очень, очень давно. Она почти забыла звук его голоса, но не слова, сказанные ей в их последнюю встречу.

— Когда я приду за тобой, danchi¹, от Ландера и всего, что тебе дорого, останется лишь прах.

Говоря это, он тоже улыбался, но в этой улыбке уже не было ни капли привычного тепла или нежности. Она была ледяной, как штормовой ветер, острой, как заточенное лезвие, и страшной, как любая улыбка безумца. Она была полна ненависти, боли, презрения и бесконечной, чистейшей ярости, и тогда Анна поняла, что, что бы она ни предприняла, Константин не остановится, пока не исполнит то, что обещал.

Анна знала, что когда-то он по-настоящему любил ее, но тогда впервые увидела, во что может превратиться человеческая любовь и что она способна сотворить даже с самыми светлыми душами.

Анна стояла у окна своего кабинета, наблюдая, как из розового небо постепенно окрашивается в алый, и больше не чувствовала себя живой. За последние пару лет Анна умерла уже с десятков раз — с каждым из тех, кому была отдана часть ее сердца. Сначала был Родерик Далми. Из них всех Константин даровал ему самую милосердную смерть — силой своей магии он просто остановил его сердце. Зофье и Людвигу Каstellи повезло куда меньше. В течение часа Диспенсер сжимал их легкие, медленно перекрывая в них кислород. Людвиг смотрел, как умирала его жена, как сначала краснела, а потом белела от удушья ее кожа, как из глаз, наполненных слезами от ужаса и отчаяния, постепенно ускользала жизнь, — и не мог ничего сделать.

Дарья Ландерс оказалась умнее их всех. Догадавшись, что она — следующая, она вскрыла себе вены незадолго до того, как до нее добрался Константин. Ее смерть ударила по Анне сильнее всего. Анна была с подругой до самой последней се-

¹Любовь моя (*перев. с древнеармянского*).

кунды, и ей казалось, будто это между ее пальцев сочится вязкая, горячая кровь, что мир блекнет, искажается и сереет с каждым следующим вздохом.

Нагиль Крамер была погребена под завалами своей Андарской резиденции, когда Константин несколькими взмахами руки превратил все в пыль. Самуэль и Зинаида Антеро умирали на Бастефорской площади в течение часа. Диспенсер заставлял их сердца то останавливаться, то снова биться — и все это до тех пор, пока их сосуды, не выдержав давления, не лопнули внутри тела. Уильям Фарицкий, а также Дамиан и Ребекка Деванширские умерли там же — с ними Константин расправился еще более чудовищно, заставив в начале наблюдать за смертью собственных детей, а потом пытая их несколько часов на глазах у всего Лиделиума. Пребывая в их сознании до самой последней минуты, Анна слышала истошные крики и хруст ломающихся костей, чувствовала, как рвутся связки и сухожилия, как стынет кровь и останавливается сердце. Вместе с ними она задыхалась от слез и безумной, нечеловеческой боли, хотя находилась за сотню световых лет. Пытая членов семьи Кальдена, Константин истязал и ее, и это дарило ему чувство упоения, почти блаженства. Как и обещал, не колеблясь ни мгновения, он убил их всех.

А теперь... теперь он шел за ней. Анна не сомневалась, что для нее он подготовил нечто куда более страшное.

За спиной раздалось два быстрых приглушенных стука в дверь.

— Все готово, госпожа, — коротко сообщила показавшаяся в дверях операционка. На комод у самого входа она аккуратно и практически бесшумно поставила тяжелый поднос с чайником и замерла, очевидно ожидая дальнейших указаний.

Анна слотнула и, разгладив складки на платье, обернулась и попыталась улыбнуться.

— Спасибо, Райли, — севшим голосом сказала она, — дальше я сама. Ты можешь идти.

— Вам точно не нужна моя помощь, миледи? Возможно, я бы могла...

— Нет, — Анна покачала головой. — Больше ничего не нужно, laue¹. Я справлюсь.

Райли поникла и, быстро кивнув, сиюминутно скрылась за дверь. Дрожащими руками Анна подхватила поднос и начала спускаться по лестнице. Но оказавшись в гостинной, быстро вернула самообладание.

Ее родители уже давно ожидали внизу. Отец всегда говорил, что приятные привычки и маленькие традиции — то, что способно скрасить жизнь даже в самые тяжелые времена. Они дарят чувство приземленности и контроля, даже когда кажется, что мир рушится по частям. Ранний ужин в кругу семьи был одной из таких традиций. Когда Анна принесла чай, ее родители уже закончили с едой, оставили тарелки и тихо о чем-то беседовали, очевидно уже и не ожидая, что она к ним присоединится. Элиас Понтешен устало пролистывал новостные голограммы и даже не сразу заметил, как она вошла.

— Анна, dash², ну наконец-то, — с облегчением выдохнул он, когда она поставила поднос на стол и принялась разливать горячий чай по чашкам. — Jetan te kai?³ Ты сегодня вместо Райли?

— Да, — тепло улыбнулась Анна. — Ты против?

— Telande soon, dash⁴, как я могу возражать! Я рад, что ты к нам присоединилась.

Его лицо, казалось, даже посветлело. Он улыбнулся в ответ, и от этой улыбки у Анны сжалось сердце. Элиас выглядел измученным, изможденным и высохшим, будто кто-то высосал из него все соки, всю энергию, красоту и страсть к жизни. За два года войны он постарел лет на пятнадцать и из сильного, статного, пышущего здоровьем мужчины пре-

¹ Милая (*перев. с древнеарианского*).

² Дорогая моя (*перев. с древнеарианского*).

³ Что ты делаешь? (*перев. с древнеарианского*).

⁴ Разумеется нет, дорогая моя (*перев. с древнеарианского*).

вратился в настоящего старика. Его густые, цвета расплавленного шоколада волосы поседели — так же как и борода; из-за множества бессонных ночей под глазами залегли темные мешки, на лице образовались несколько глубоких морщин, а в руках появился пока еще едва уловимый тремор. Анна заметила его сразу, пусть и не подавала виду. Украдкой она наблюдала, как отец то и дело прячет руки, пытаясь это скрыть, а если ему приходится что-то держать — сжимает пальцы до побеления, надеясь, что это будет не так заметно. В присутствии дочери и жены Элиас всегда пытался бодриться, но от этого Анне было только больнее. Ее отец — ее неотразимый, сильный, любящий отец, перед которым некогда склонялся весь Лиделиум, — медленно умирал, и она ничего не могла с этим сделать.

Казнь Деванширских на Бастефорской площади стала для него последним и главным ударом. Рианская империя погибала, утопая в крови, и с каждым днем тех, кто присягал на верность Константину, становилось все больше. Оставшиеся силы Понтешен, Каstellи и Багговут еще сдерживали войска Диспенсеров на границах, но все знали, что это ненадолго.

Руки Анны предательски дрогнули, и нос чайника звонко ударился о край стакана.

— Dash', gis flay?¹ — спросил Элиас. — Ты выглядишь обеспокоенной. Что-то случилось?

— Можешь не убирать их, — сказала Анна, когда он поспешил свернуть голограммы, — я видела новости.

— Там ничего утешительного, как и всегда, — вздохнула ее мать, сложив руки перед собой, — но это еще не значит, что мы не сможем за себя постоять.

— Sideli uter si mand...² — начал Элиас.

¹ Дорогая, все в порядке? (перев. с древнеарианского).

² Судьба редко бывает к нам благосклонна (перев. с древнеарианского).

— Hea lyn gises kambly fray¹, — закончила за него Анна. Ее отец грустно улыбнулся. Говорить на арианском в кругу семьи было еще одной приятной традицией.

— Si seas Pontehen. Kandel tandi si alisas ryn². Еще ничего не кончено.

Анна знала, что это не так, но заставила себя улыбнуться в ответ. Все кончилось еще тогда, когда Константин подарил ей свое проклятое обещание. А ведь когда-то она верила, что именно он станет тем, кто сотворит чудо, тем, кто сможет с ней изменить мир, а не утопить его в крови.

— Я получил сообщение от Закира Бренвелла, — сообщил Элиас, устало откинувшись на спинку сиденья и бросив быстрый взгляд в сторону окна, — они помогут нам на границе.

— Слава Десяти! — выдохнула Ариана, с воодушевлением посмотрев на мужа. — Это отличные новости.

Анна сделала вид, будто считала так же, будто и вправду верила, что это может их спасти. Ее мать с благодарностью подвинула к себе свою чашку, но перед тем, как сделать глоток, вдруг задержала ее у лица и приблизила нос к бортику.

— Кориандр, — с восторгом прищурилась она, — и, кажется, листья вельвичий...

— Как ты любишь, — напомнила Анна.

Ариана-Корнелия всегда умела восхищаться простым вещам, находить радость в таких мелочах, на которые любой другой даже не обратил бы внимание. За это Элиас называл ее *gis li*³ или же просто *dash*⁴, как и Анну. Полное имя Арианы они не использовали практически никогда — несмотря на красоту и звучность, оно совсем ей не шло, как серебро не идет к золоту, а грубый искусственный свет к солнечным

¹ Но наша сила в том, что мы никогда на нее и не полагаемся (*перев. с древнеарианского*).

² Мы — Понтешен. Невозможно уничтожить нас, не уничтожив мир (*перев. с древнеарианского*).

³ Маленькое солнце (*перев. с древнеарианского*).

⁴ Дорогая (*перев. с древнеарианского*).

лучам. Анна обычно смеялась, когда Элиас говорил, что она похожа на мать. От нее ей, безусловно, достались бледно-серые глаза и высокий лоб Нозерфилдов, но все остальное, включая характер отца, было наследием Понтешен. Элиас, конечно же, знал это, но признавал, лишь когда жены не было рядом, чтобы ей было не так обидно.

— Si orand parias day hantly darmut. Te seas Pontehen¹, — говорил он.

— Lin zilach vi², — отвечала Анна.

Элиас знал и это. Вероятно, поэтому, в отличие от большинства мужчин, никогда не мечтал о сыне.

— Тысяча ваших спиногрызов не стоят и пальца моей дочери, — повторял он, когда его в очередной раз бестактно спрашивали, не планируют ли они с Арианой обзавестись наследником мужского пола.

У его любви, восхищения и непоколебимой веры в дочь не было условий и срока годности. Он не усомнился в ней даже тогда, когда в Лиделиуме поползли слухи о ее постыдной связи с кузеном Вениамином Нозерфилдом. Элиас впервые и совершенно случайно услышал об этом от Леонора Багговут, когда проводил тому экскурсию по заповеднику с рейхисами — гигантами с массивным птичьим телом, крючковатым клювом и мощными чешуйчатými лапами, обитающими на Ландере и представляющими из себя особое достояние семьи Понтешен. Он велел приспустить поводья одной из особей и перехватить их в самый последний момент, когда огромный изогнутый клюв рейхиса оказался в смертельной близости от лица Леонора.

— У вас есть два пути, друг мой, — с могильным спокойствием уведомил он, перехватив графа за шиворот и не по-

¹Мое сердце поет, когда я смотрю на тебя. Ты истинная Понтешен (*перев. с древнеарианского*).

²И всегда ею буду (*перев. с древнеарианского*).

зволив увернуться от животного, — поклясться собственной кровью и честью дома Багговут, что вы никогда больше не повторите эту омерзительную ложь, или замолчать навсегда. Что выберете?

Остолбенев от ужаса, Леонор едва смог выдавить через побелевшие губы хлипкие извинения и клятвенные заверения, что никогда в жизни больше не посмеет усомниться в благопристойности имени Понтешен.

В тот же вечер Элиас впервые вызвал к себе Анну, чтобы задать ей один-единственный вопрос.

— Я спрошу лишь раз и обещаю: что бы ни происходило, мы больше никогда не вернемся к этому разговору. В тех поганых слухах, что разносят такие стервятники, как Багговут, есть хоть крупица правды?

Элиас Понтешен сказал это с горечью, но даже тогда в его глазах Анна не увидела и тени презрения или злости. В них был страх, боль и бесконечное чувство вины, будто Элиас корил себя за то, что его дочери приходится через это проходить. Анна всегда была с ним искренней и потому в тот вечер тоже сказала то, что думала.

— *Kandeli fea lagri ran, lakki*¹.

И поняла, что поступила правильно, когда на лице Элиаса отразилось невообразимое облегчение.

— Слава Десяти, — выдохнул он, — я так и думал, *dash*², я так и думал...

Элиас был самым умным, самым чутким и понимающим отцом на свете, но оставались вещи, которые даже он был не способен принять. Как Анна могла винить его за то, что при всех его достоинствах он все еще оставался человеком?

Сейчас, когда он сидел перед ней исхудавший, измученный и постаревший, Анна убеждалась в этом снова. Ее отец,

¹ Люди часто болтают чепуху, отец (папочка) (*перев. с древнеарийского*).

² Дорогая (*перев. с древнеарийского*).

как seas Pontehen¹, мог сломить или же повернуть в свою пользу любые обстоятельства. Однако это не означало, что они не могли сделать с ним то же самое.

— Так ты присоединишься к нам? — уточнил Элиас, когда Анна подала ему его чашку, но так и не заняла место за столом.

— Telande, lakki². Это ведь наша традиция, — она подошла к нему со спины и, обвив руками его плечи, прислонилась щекой к голове. — «Мои привычки выше воли. Я смел, отчаян и упрям», — пробормотала она. — Помнишь эту старую песенку? Ты пел мне ее в детстве,

— Я помню, — подхватила Ариана, сделав несколько крупных глотков и прижав пальцы к губам. Ее глаза вспыхнули восторженным задором. Розовые лучи играли бликами на ее лице и в темно-русых, с прорезями рыжины волосах. На мгновение она показалась Анне совсем юной, будто была моложе даже ее самой. — Kalidel heris pam le krey³. Ну ты и вспомнила, дорогая. Сколько тебе было? Три? Пять?

— Я и сам уже не помню, — признался Элиас.

— Ты пел ее почти каждый день, — обиженно заметила Анна.

— Ты не отпускала меня, пока не заснешь. В те годы было спето много песен, — пробормотал Элиас, и она услышала в его голосе грустную улыбку. Он сделал пару глотков и, отставив чашку, с нежностью взглянул сначала на дочь, а после — на жену. Его плечи расслабленно опустились, а в пальцах исчезла дрожь.

Анна поморщилась.

— Я помню их всех. У тебя никогда не было голоса, lakki⁴.

— Какая бесстыдная, оскорбительная ложь!

¹ Истинный Понтешен (перев. с древнеарийского).

² Разумеется, папа (папочка) (перев. с древнеарийского).

³ Сколько времени уткло с тех пор (перев. с древнеарийского).

⁴ Папа (папочка) (перев. с древнеарийского).